

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ АЛПАТОВ

доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник

Институт языкоznания Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4323-2832; v-alpatov@iling-ran.ru

И. А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И СМЕНА ПАРАДИГМ НА ГРАНИ ВЕКОВ

Аннотация. Анализируется роль научного наследия Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ в переходный период развития языкоznания на рубеже XIX–XX веков. Цель исследования – выявить и охарактеризовать ключевые аспекты его теории, определившие смену научной парадигмы: отказ от исключительно исторического подхода, введение и разработка понятий фонемы и морфемы, разграничение синхронии и диахронии, а также обоснование психологической и социальной природы языка. Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении идей Бодуэна де Куртенэ в контексте преодоления кризиса компаративистики и формирования основ структурной лингвистики. Особое внимание уделяется его взглядам на системность языковых изменений, роль сознательного вмешательства в язык и критику догм сравнительно-исторического метода. Актуальность исследования обусловлена сохраняющимся влиянием концепций ученого на современную лингвистику, включая фонологию, морфологию и социолингвистику. Подчеркивается, что Бодуэн де Куртенэ не только предвосхитил многие направления развития науки XX века, но и заложил методологические основы для изучения языка как динамической системы, сочетающей в себе индивидуально-психическое и социальное начала.

Ключевые слова: Бодуэн де Куртенэ, изучение живых языков, фонема, морфема, мировое языкоznание
Для цитирования: Алпатов В. М. И. А. Бодуэн де Куртенэ и смена парадигм на грани веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 18–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1261

ВВЕДЕНИЕ

Иван Александрович (Ян Игнацы Нечислав) Бодуэн де Куртенэ – один из крупнейших мировых лингвистов конца XIX – начала XX века, с этим не спорят. А вот его национальную принадлежность оценивают по-разному: и в России, и в Польше его считают «своим» (польским лингвистом его признают и на Западе). Этот ученый выходил за пределы национальных рамок. Бодуэн де Куртенэ в течение своей долгой жизни работал в трех странах: России, Австро-Венгрии и Польше, писал на четырех языках: русском, польском, немецком и много реже на французском. Недаром наиболее полное издание его трудов [3], [4] было осуществлено в русском и польском вариантах: в одном из них тексты, написанные по-русски, печатались в оригинале, а с польского языка переводились, а в другом варианте – наоборот. При этом ученого, работавшего более шестидесяти лет и написавшего более четырехсот научных текстов, немного книг или публикаций большого объема, а те, что есть,

посвящены в основном сравнительно узким темам: хорватские диалекты, латинская фонетика, фонетические альтернации, история польского языка. Исключение – разве что учебник «Введение в языкоznание», уже в наше время переизданный издательством «УРСС» [2], но и он не дает полного представления об идеях Бодуэна. Наиболее концентрированным изложением концепции автора, пожалуй, стала статья «Язык и языки» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефремова. Однако сам жанр энциклопедической статьи требовал большой краткости и популярности изложения. А многие важнейшие и продуктивные идеи излагались Бодуэном де Куртенэ лишь попутно, по ходу обсуждения каких-либо иных, часто довольно узких вопросов. В полной мере с его взглядами можно познакомиться, лишь рассматривая его научное творчество в целом. Показательно, что в хрестоматии¹ Бодуэн представлен работой, написанной им в 25 лет, где много нового и интересного, но его идеи тогда еще сложились не полностью, а найти что-либо закон-

ченное В. А. Звегинцеву, видимо, не удалось, поскольку ученый постоянно находился в процессе поисков истины и нередко менял свои взгляды. Например, понятия фонемы, морфемы, слова и определения этих понятий далеко не одинаковы в его работах разных лет. Представить учение Ивана Александровича в каком-то статичном и законченном виде невозможно. С другой стороны, пониманию его идей способствуют иные его черты: четкость и ясность изложения, умение писать просто о сложном.

АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ

Время, когда начинал работать Бодуэн де Куртенэ, было прежде всего эпохой господства исторического подхода к языку. Считалось, что изучение языка без обращения к его истории может быть лишь «описательным», а объяснение того или иного явления языка состоит в указании на его происхождение. Самым престижным считалось сравнительно-историческое языкознание. Наиболее влиятельной была немецкая школа младограмматиков, исходившая из вышеуказанных постулатов. Очень последовательно такой подход содержался в очерке истории языкознания датского ученого В. Л. Томсена (1902), изданном и по-русски². История языкознания рассматривалась здесь как история компаративистики: сначала «доисторический период», начиная с Античности, потом этапы формирования исторического подхода, наконец, подробное рассмотрение сравнительно-исторических исследований. Однако во второй половине XIX века сложилась особая лингвистическая дисциплина – экспериментальная фонетика. Появились приборы, научились выделять из текста отдельные звуки и давать им характеристики. Казалось бы, максимально далекие от историзма проблемы: чистая синхрония. Но развитие фонетических исследований отражало другую черту науки в эпоху позитивизма: крайний эмпиризм, «преклонение перед фактом», по выражению В. Н. Волошина, нелюбовь к обобщениям. Историки языка в большинстве случаев фиксировали исторические изменения в языках, но не стремились выявить причины этих изменений. Обе указанные черты не принял И. А. Бодуэн де Куртенэ. Его мало интересовала фонетика в чистом виде (антропофоника, как он ее называл), он заинтересовался «психофонетикой», которую только предстояло создать.

К концу века все чаще говорили о кризисе в языкознании. Начинались поиски новых под-

ходов, что проявлялось, помимо экспериментальной фонетики, и в школе слов и вещей, и в лингвистической географии, и в неолингвистике. Идеи Н. Я. Марра стояли в этом ряду, но данное направление оказалось тупиковым.

Но были и языковеды, чьи искания соответствовали идеям переломного времени – можно сказать, что они предвидели будущее в лингвистике. Например, Ф. Ф. Фортунатов, которого П. С. Кузнецов ставил в один ряд с И. А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром, а Л. Ельмслев считал своим предшественником, в том числе в связи с четким различием синхронии и диахронии. Ф. Ф. Фортунатов внес большой вклад в теорию грамматики. Новую перспективную научную парадигму удалось создать И. А. Бодуэну де Куртенэ (на первых этапах совместно с Н. В. Крушевским).

Иван Александрович уже в вышеупомянутой ранней работе «Некоторые общие замечания о языковедении и языке», написанной в 25 лет, еще не всегда свободный от влияния традиции, уже начинает выходить за рамки чисто исторического подхода к языку. Среди разделов «чистого языковедения» выделяется «всесторонний разбор положительно данных, уже сложившихся языков», среди которых выделены «живые языки народов во всем их разнообразии», которые игнорировались университетскими профессорами. В области фонетики историческая фонетика признается лишь одной из трех дисциплин: две другие не связаны с историей. Одна дисциплина рассматривает звуки с чисто физиологической точки зрения, другая изучает их «с морфологической, словообразовательной» [3: 65–66]. Понятие фонемы еще отсутствует, но здесь уже можно видеть прообраз будущего разделения антропофоники и психофонетики, к которому Бодуэн пришел уже в Казани.

В дальнейшем И. А. Бодуэн де Куртенэ, никогда не отказываясь от правомерности исторического подхода к языку, постоянно обращался к анализу современных языков и требовал рассматривать языки не только в «динамике», но и в «статике» (в других терминах, диахронии и синхронии). В программе казанского курса 1877/78 года он писал: «Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического движения языка – динамика» [3: 110]. Отмету, что стремление к изучению живых языков сказывалось и на научно-общественной деятельности ученого. Он был противником клас-

сического образования, уделявшего главное внимание преподаванию «мертвых» греческого и латинского языков; в таком внимании Бодуэн видел лишь «унаследованный от прошлого пережиток». Он подчеркивал: «Только живой язык, язык, существующий в голове ученика, поддается всестороннему наблюдению и опыту» [3: 134], поэтому как «средство развития ума» необходимо лишь преподавание родного языка учащихся. В то же время Бодуэн де Куртенэ никогда не отрывал статику от динамики так, как это делал его знаменитый младший современник Ф. де Соссюр, для которого между синхронией и диахронией лежала непреодолимая пропасть. Ученый указывал:

«В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики» [3: 349].

Тем не менее наибольшее признание в мировой науке получили идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ о статике. Это, прежде всего, введение двух фундаментальных лингвистических понятий – фонемы и морфемы. Хотя оба термина существовали и до него, но имели иной смысл; приоритет ученого в формировании современных представлений о фонеме и морфеме общепризнан в мире.

Понятие фонемы, по сути, неосознанно присутствовало уже давно. Известно, что создатели древних алфавитов были, по выражению Н. Ф. Яковлева, «стихийными фонологами», а среди фонетических различий еще в древности в первую очередь принимались в расчет те, которые отражались в психологии. Не имеющие фонологической значимости фонетические различия до XIX века в большинстве просто не замечались. Но когда фонетика во второй половине века стала экспериментальной, то уже первые, самые несовершенные приборы обладали слишком большой различительной силой по сравнению с нуждами лингвистики: выявились звуковые различия, не замечавшиеся ни носителями языков, ни языковедами. Стало ясно, что для теоретической лингвистики нужны четкие критерии. Впервые в мировой науке над этим стали работать И. А. Бодуэн де Куртенэ и Н. В. Крушевский, а после ранней смерти последнего продолжением работы и ее печатным изложением занимался Бодуэн.

Термин «фонема», как указывал сам Иван Александрович, он по совету своего ученика Н. В. Крушевского взял у Ф. де Соссюра (но

не из знаменитого «Курса общей лингвистики», тогда еще не существовавшего, а из его ранней книги о праиндоевропейской системе гласных), коренным образом переосмыслив. Впервые этот термин появляется в работе «Некоторые отделы “сравнительной грамматики славянских языков”» (1881) [3: 121].

Иван Александрович давал не совсем совпадавшие определения фонемы в 1881, 1895, 1899, 1927 и других годах. Однако неизменными оставались два положения: множество произносимых звуков сводится к небольшому количеству фонем, фонемы имеют психологический характер. Как справедливо указала современная исследовательница наследия ученого А. Адамская-Салачак, разные определения фонемы у Бодуэна, различаясь в теории, существенно не отличаются при их применении на практике [8: 40].

И. А. Бодуэн де Куртенэ всю науку о звуках назвал фонетикой, или фонологией (эти два термина он употреблял как синонимы). В ее составе выделяются антропофоника и психофонетика, а также историческая фонетика. «Антропофоника занимается научным изучением возникновения преходящих фонационных явлений, или физиолого-акустических явлений языка, а также взаимных связей между этими явлениями» [4: 354–355]. Антропофоника, которой ученый специально не занимался, создает базу для психофонетики, но «только опосредованно принадлежит к собственно языкоznанию, основанному целиком на психологии» [3: 354]. В конце жизни ученым полностью относил антропофонику к естественным наукам. Психофонетика же – собственно лингвистическая дисциплина, изучающая «фонационные представления» в человеческой психике, а также их связи с другими представлениями – морфологическими и семasiологическими (семантическими) [3: 355]. Впоследствии фонологическая терминология изменилась, однако ученик Ивана Александровича Е. Д. Поливанов сохранил термин «психофонетика» даже в 30-е годы XX века.

Фонема – минимальная единица психофонетики. Вот одно из ее определений: «Фонема... есть однородное, неделимое в языковом отношении антропофоническое представление, возникающее в душе путем психического слияния впечатлений, получаемых от произношения одного и того же звука» [3: 351–352]. Таким образом, фонема – не абстракция и тем более не конструкт, создаваемый лингвистом. В человеческой психике она существует вполне объективно, хотя у разных людей звуковые представления могут

не совпадать. «Фонемы – это единые, непреходящие, представления звуков языка» [3: 353]. Все здесь сказанное соответствовало психической реальности, но как можно было при разбросе индивидуальных представлений выработать строгие критерии выделения фонем? Первоначально Бодуэн считал, что фонемы неделимы психически, хотя соответствующие антропофонические единицы можно членить на части и дальше. Однако в поздних работах 1910–1920-х годов его точка зрения изменилась:

«Анализ фонемы... приводит к ее разложению на наиболее простые реальные представления, неделимые с психической точки зрения... Я позволю себе называть эти представления произносительных работ *кинемами*, а представления акустических нюансов, неделимых с психической точки зрения, *акусмами*. Сочетания кинем и акусм в единое целое составляют фонемы» [4: 203].

Последние понятия не прижились в лингвистике, но предвосхищали появившуюся уже в 50-е годы концепцию дифференциальных признаков Р. Якобсона, Г. Фанта и М. Халле.

Психологизм концепции Бодуэна де Куртенэ не был принят большинством его последователей, поскольку для формировавшегося структурализма психологические критерии были недостаточно четкими и слишком субъективными. Поэтому лингвисты Пражской и Московской школ, как и дескриптивисты, а позже и часть непосредственных учеников Бодуэна (прежде всего Л. В. Щерба), приняв идею фонемы, старались выработать иные, более строгие критерии выделения этих единиц. Однако и разграничение звука и фонемы, и само понятие фонемы остались и остаются в науке до наших дней.

Морфема, минимальная единица морфологии, также понималась И. А. Бодуэном де Куртенэ психологически. Для него морфемой была любая часть слова (корень или аффикс), обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения. Морфема также понималась им как реально существующая единица:

«На все морфологические элементы живого мышления – морфемы, синтагмы... следует смотреть не как на научные фикции или измышления, а только как на живые психические единицы» [4: 43].

Во «Введении в языкovedение» Бодуэн приводил существование «обмоловок» вроде *брыками ногает, вертом хвостит* вместо: *ногами брыкает, хвостом вертит* в качестве доказательства «реально-психического существования» морфем. И в определении морфем у Бодуэна кое-

что менялось. В публикациях XIX века он рассматривал морфему как часть слова, но в более поздних работах («Язык и языки» и др.) он уже выделял морфемы независимо от слов.

Психологизм подхода ученого и здесь не был принят следующим поколением лингвистов, однако понятие морфемы прочно утвердилось. До того были лишь понятия корня и аффикса, а обобщающее понятие не было распространено. Идея о морфеме как центральной единице морфологии стала одной из основополагающих в разных направлениях науки о языке XX века.

Оригинальными были и взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ на слово, которые, однако, не получили такого резонанса, как в случае фонемы и морфемы. С 1900-х годов он отказался от свойственного традиционному языкоznанию словоцентризма: «Разве только слова произносятся? Слова являются обыкновенно частями фактически произносимого» [4: 247]. Одним из первых в мировой науке он предложил при анализе языка рассматривать в качестве исходных единиц не слова, а целые высказывания, которые могут подвергаться двоякому членению: «с точки зрения фонетической» и «с точки зрения морфологической». Первое членение предполагает выделение «фонетических фраз», «фонетических слов», слогов и фонем. Второе выделяет «сложные синтаксические единицы», «простые синтаксические единицы» («семасиологически-морфологические слова») и морфемы [4: 79]. Традиционное понятие слова, как можно видеть, расщепляется на два понятия: «фонетического слова» и «семасиологически-морфологического слова»; эти единицы имеют разные свойства и не всегда совпадают по протяженности. Здесь Бодуэн, несмотря на сохранявшийся психологизм, сделал шаг в сторону выделения единиц языка на основе чисто лингвистических закономерностей: нерасчлененное понимание слова имеет прежде всего психологическую основу, а собственно языковые свойства «фонетических слов» и «семасиологически-морфологических слов» существенно различны.

Более всего на развитие мировой науки повлияли идеи ученого в области статики, но для самого И. А. Бодуэна де Куртенэ особенно важны были проблемы языковой динамики, то есть закономерности языкового развития, которые он не сводил к традиционной сравнительно-исторической проблематике. Его мало интересовали конкретные реконструкции, составлявшие суть компаративистики; на эти темы он написал немного и лишь в ранний период деятельности.

Его занимали более общие проблемы – как и почему могут изменяться языки.

Как подчеркивает А. Адамская-Салачак, от других ученых той эпохи, также ставивших вопрос о причинах изменений в языке, И. А. Бодуэн де Куртенэ (как и Н. В. Крушевский) отличалась признанием их системности, рассмотрением в связи со всей системой языка [8: 49]. В ранней работе «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» он выделял пять факторов, вызывающих развитие языка. Среди этих факторов особо отметим «стремление к удобству», к разного рода «экономии работы»: работы мускулов, нервных разветвлений, слухового аппарата, головного мозга и др. [3: 58–59]. Об экономии он наиболее подробно писал в статье 1890 года «Об общих причинах языковых изменений» [3: 262–273]. Важнейшим и получившим затем развитие в мировой лингвистике было положение о том, что экономия по-разному происходит у говорящего и слушающего. Говорящему важно упростить свою работу, поэтому он склонен к упрощению сложных звуков и звукосочетаний, к увеличению регулярности морфологической системы. Однако этому могут противодействовать потребности слушающего, которому важно облегчить восприятие; поэтому, например, процесс фонетического упрощения может не произойти там, где есть однокоренные слова. Потребность к экономии сил у говорящего и слушающего могут противоречить друг другу и поддерживать друг друга. В последнем случае очень велика вероятность изменения в языке, которое сразу сказывается на всей системе.

Экономии и упрощению противостоит еще один фактор – консерватизм носителей языков, стремление сохранить язык в неизменном виде; особенно это свойственно «искусственным» литературным языкам. Не раз И. А. Бодуэн де Куртенэ указывал, что наиболее радикальные изменения происходят в речи детей, всегда упрощающих то, что они слышали от взрослых; однако в дальнейшем это «новаторство» в большей или меньшей степени сглаживается. Особенно заметен, согласно Бодуэну, принцип экономии, если целый коллектив меняет язык (ситуация субстрата): ряд сложных характеристик перенимаемого языка может не восприниматься. В случае конкуренции языков при прочих равных условиях побеждает более простой по своему строю.

Развитие языка Бодуэн де Куртенэ рассматривал не как случайный процесс, а как выражение тех или иных тенденций, которые мо-

гут быть разными в каждом конкретном языке. Так, для польского языка он отмечал постепенное сглаживание количественных противопоставлений в фонологии и их усиление в морфологии; для истории русского языка – общую тенденцию к ослаблению противопоставлений гласных и усилию противопоставлений согласных.

Такого рода тенденции могли не только выявляться в прошлом, но и проецироваться в будущее. Уже в статье 1870 года И. А. Бодуэн де Куртенэ поставил вопрос о прогнозировании языка, редко занимавший лингвистов-теоретиков. Отметим, что вышеупомянутое положение о тенденции развития русской фонологии спустя столетие проверил М. В. Панов и выяснил, что та же самая тенденция продолжала действовать и в XX веке [5: 21–22, 442].

Особое мнение имел ученый и по вопросу о соотношении сознательного и бессознательного в языковых изменениях. И современные ему историки языков, и Ф. де Соссюр считали, что все в языке может меняться только бессознательно и стихийно. С этим не был согласен И. А. Бодуэн де Куртенэ:

«Язык не есть ни замкнутый в себе организм, ни некооснованный идеал, он представляет собой орудие и деятельность. И человек не только имеет право, но это его социальный долг – улучшать свои орудия в соответствии с целью их применения и даже заменить уже существующие орудия другими, лучшими. Так как язык неотделим от человека и постоянно сопровождает его, человек должен владеть им еще более полно и сделать его еще более зависимым от своего сознательного вмешательства, чем это мы видим в других областях психической жизни» [4: 151].

Ученый обращал внимание в связи с этим на явления, игнорировавшиеся традиционной лингвистикой: на разного рода тайные языки и арго, на активно создававшиеся как раз в эту эпоху международные языки вроде эсперанто (из видных лингвистов того времени лишь он и О. Есперсен постоянно интересовались этими языками), а также на «искусственно образуемые» литературные языки. Все эти языки конструируются вполне сознательно. При «живом» развитии языков наиболее существенную роль играют стихийные бессознательные процессы, однако сознательные изменения (например, подражательного характера) также возможны.

Указанные идеи были, безусловно, продуктивными, хотя и не давали возможности выявить общие закономерности на уровне конкретного языка. Над проблемой объяснения причин конкретных языковых изменений работало несколь-

ко поколений ученых. Почему, скажем, редуцированные пали именно таким образом? Почему *е и ъ* совпали в украинском так-то, а в русских диалектах иначе? Проблема так и не была решена. Позднее Е. Курилович пришел к выводу, что причины часто зависят от случайных, не связанных с лингвистикой факторов и единого решения не имеют.

Надо сказать и об отношении И. А. Бодуэна де Куртенэ к постулатам сравнительно-исторического языкознания. Начиная с ранней статьи памяти А. Шлейхера, он постоянно критиковал концепцию родословного древа языков, на которой всегда основывалась компаративистика. Согласно ей, развитие языков – постоянный процесс дробления языков-потомков, тогда как обратный процесс – вторичного объединения языков – принципиально невозможен. Бодуэн, не отрицая, разумеется, возможности расхождения языков, считал такую схему слишком прямолинейной и не учитывающей всей сложности реальных процессов. В полемике, несколько заостряя свою точку зрения, он даже назвал одну из статей: «*О смешанном характере всех языков*». По его мнению, «все существующие и когда-либо существовавшие языки произошли путем скрещения» [3: 348]. Так, английский язык не может считаться только германским уже потому, что в его лексике слов романского происхождения больше, чем германского; это означает, что данный язык – смешанный, германо-романский. Особое внимание Бодуэн обращал на так называемые пиджины и креольские языки, возникающие в зонах языковых контактов. В эту категорию он включал не только русско-китайский пиджин, использовавшийся для общения между русскими и китайцами на Дальнем Востоке, но и идиш, а во многом и английский язык. Он указывал, что с точки зрения концепции родословного древа русско-китайский пиджин попадает вместе с русским в число восточнославянских языков, но на деле он отличается от русского языка больше, чем любой славянский.

И. А. Бодуэн де Куртенэ считал, что концепция родословного древа «не выдерживает критики» и безусловно устарела. Об этом он постоянно писал [3: 2, 7, 187, 343 и др.]. Он был прав, говоря, что постулаты компаративистики очень спорны и должным образом не доказаны. Бодуэн надеялся на то, что «взгляд на сущность межъязыкового родства» в скором времени изменится [4: 17]. Однако методика сравнительно-исторических реконструкций дает плодотворные результаты уже

почти два столетия, тогда как идея о «смешанном характере всех языков» не смогла стать основой для сколько-нибудь разработанного метода. Поэтому из родственного древа исходят и сейчас, хотя материал пиджинов или вторично воздействующих друг на друга диалектов требует определенной корректировки, следовательно, идеи Бодуэна остаются актуальными.

Изучение языка, абсолютно не учитывавшее его историю, Иван Александрович считал неправомерным; именно за это он критиковал индийскую науку о языке. Позже Дж. Гринберг писал:

«Самыми глубокими из всех теорий были, вероятно, теории Крушевского и Бодуэна де Куртенэ, поскольку они включали в свои работы явно сравнительно-исторический компонент» [9: 287].

С этим можно согласиться, однако для своего времени необходимо было, прежде всего, решительное размежевание со «сравнительно-историческим компонентом». Как нередко бывает в истории науки, именно «простое проведение границ: это язык, а это речь, это синхрония, а это диахрония» [6: 343] у Соссюра имело наибольшие шансы на успех.

В тесной связи с концепциями статики и динамики находились общие идеи ученого в отношении природы языка. Начиная со статьи памяти Шлейхера молодой Бодуэн решительно выступил против биологического подхода этого ученого, уподоблявшего язык живому организму. Он был против отнесения языкознания, за исключением лишь косвенно связанной с ним антропофоники, к естественным наукам (здесь был один из пунктов его несогласия с Н. В. Крушевским). Согласно И. А. Бодуэну де Куртенэ, языкознание – одновременно психологическая и социологическая наука. Его формулировки разных лет на этот счет не всегда совпадают, иногда, как в статье о Крушевском, он писал о чисто психологическом характере языка, однако в более поздних работах двоякий характер языка полностью подтверждается. В 1897 году Бодуэн заметил:

«Так как язык возможен только в человеческом обществе, то кроме психической стороны мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языкознания должна служить не только индивидуальная психология, но и социология» [3: 348].

Двоякий характер языка предполагал, согласно Бодуэну де Куртенэ, и соотношение индивидуального и коллективного в языке. Если социология – общественная наука по определению, то психология для ученых того времени была наукой исключительно индивидуальной. И Бодуэн, споря по многим вопросам с господствовавшим

в языкоznании его времени младограмматизмом, сходился с ним в отношении того, что единственная реальность – язык индивидуума. Поскольку процессы, происходящие в человеческом мозгу, реальны, то индивидуальный язык – не абстракция, а реально существующее явление. Однако польский или русский язык – это лишь абстракция, «среднее случайное соединение языков индивидуумов».

Все изменения, как считал И. А. Бодуэн де Куртенэ, происходят в языках индивидуумов, однако у разных людей могут наблюдаться сходные изменения:

«В языковом отношении индивидуум может развиваться только в обществе, но язык как общественное явление развития не имеет и иметь не может. Он может иметь только историю. История – это последовательность однородных, но разных явлений, связанных между собой причинностью не непосредственной, а только опосредованной» [4: 208].

Хотя тенденции в языке могут быть выявлены, ученый скептически относился к выделению общелингвистических законов, по которым развиваются или функционируют языки. Многократно в его работах (кроме самых ранних) повторяется тезис: «Нет никаких “звуковых законов”» (здесь он также расходился с Н. В. Крушевским). Хотя структурная лингвистика начиная с Ф. де Соссюра избегала термина «закон», но ее подход был ближе, скорее, к идеям Крушевского.

Интерес к социологии и психологии языка не исчерпывался у И. А. Бодуэна де Куртенэ чисто теоретическими рассуждениями. Перед ним стояла проблема связи науки с жизнью. В течение девятнадцати лет он постоянно записывал речь каждого из своих пятерых детей. Для более точного понимания психологии языка он призывал лингвистов «заглядывать время от времени в дома умалишенных и тюрьмы», поскольку там можно наблюдать «людей с языковыми отклонениями и с психическими отклонениями вообще». Показательно и его предисловие к книге о «блестной музыке», которая интересовалась ученым и с социолингвистической точки зрения.

В то время еще не существовало социолингвистики как отдельного раздела языкоznания (одним из ее создателей станет ученик Ивана Александровича Е. Д. Поливанов). Однако и социологический подход к языку, и политическая активность толкали Бодуэна де Куртенэ в сторону рассмотрения вопросов языковой политики и национальной политики в целом. Бодуэн всегда был чужд и польскому, и русскому на-

ционализму. В статье 1908 года «Вспомогательный международный язык» он писал:

«Не тот или иной язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке. Мне дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться, тоже на основании языка» [4: 145].

Для царской России такие формулировки были достаточно смелыми. Начиная с 1906 года Бодуэн опубликовал несколько брошюр и статей по национальному вопросу, за одну из которых подвергся судебному преследованию³.

Иван Александрович предлагал пути решения национального, в том числе национально-языкового вопроса в Польше, исходя из ее сохранения в составе России, но в качестве автономного образования. Он высказывал при этом ряд любопытных идей, и сейчас не потерявших актуальности, и разработал программу последовательно демократического развития всех языков и народов Российской империи. Эта программа сочетала в себе глубокие и перспективные идеи с явными чертами утопизма. В ряде пунктов он предвосхитил попытку создать принципиально новую национально-языковую политику, предпринятую в нашей стране после 1917 года. Развитие в самой Польше, где Бодуэн жил после 1918 года, после восстановления независимости, однако, пошло по-иному: в сторону полного господства польского языка над остальными. Иван Александрович в конце жизни активно выступал в защиту языков национальных меньшинств и даже выдвигался от них кандидатом в президенты. Ученый представлял собой редкий пример нерелигиозного поляка. Из-за этого он был вынужден покинуть Краков и был похоронен не на католическом, а на протестантском кладбище.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И. А. Бодуэн де Куртенэ в статье «Языкоznание, или лингвистика XIX века», опубликованной впервые в 1901 году [4: 3–18], подвел итоги развития науки о языке за период, в большую часть которого работал. Здесь он представил развернутый прогноз развития языкоznания на следующий век. Теперь, когда этот век завершился, интересно рассмотреть, насколько его прогноз сбылся. Не все здесь оправдалось, например, Бодуэн переоценил еще господствовавший в 1901 году исторический подход к языку: «понятие развития и эволюции» не стало «основой лингвистического мышления», как он предска-

зывал [4: 17]. Неправ он был и там, где надеялся на грядущий отказ от родословного древа.

Однако во многом Бодуэн де Куртенэ оказался прав. Это относится и к математизации лингвистики, развитию количественного анализа, и к одновременному «совершенствованию метода качественного анализа», и к стремлению к объективности подхода, и к отказу от исследования любых языков в европейских категориях, и к значительному прогрессу в изучении родственных связей неиндоевропейских языков, и к развитию лексикологии и семантики, и ко многому другому. Иногда даже там, где ближайшее будущее, казалось, не оправдывало прогноз Бодуэна, он в далекой перспективе оказался прав. Сразу в нескольких пунктах своего прогноза он писал о признании психологических основ

лингвистики в XX веке. Однако в первой половине века ее развитие шло в прямо противоположном направлении, в сторону отказа от всякого психологизма. Но с конца 50-х годов и особенно с 60-х годов в ряде влиятельных лингвистических направлений наметился принципиально иной подход, возвращающийся на более высоком уровне к тому, что было раньше. Н. Хомский определил лингвистику как «особую ветвь психологии познания» [7: 12]. Подробнее о прогнозах ученого см.: [1].

Безусловно, одним из создателей лингвистики XX века был Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, идеи которого оказали значительное влияние на лингвистов разных стран и направлений. Многое из того, о чем он писал, остается актуальным и сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Звегинцев В. А. История языкоznания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. 466 с.; Звегинцев В. А. История языкоznания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. 498 с.
- ² Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М.: Учпедгиз, 1938. 158 с.
- ³ Бодуэн де Куртенэ И. А. Проект основных положений для решения польского вопроса. СПб.: Кн. маг. «М. О. Вольф» и «Труд», 1906. 16 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Сто лет спустя, или сбываются ли прогнозы? // Вопросы языкоznания. 2003. № 2. С. 114–121.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение. С приложением: Сборник задач по «Введению в языковедение». М.: УРСС, 2004. 94 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкоznанию. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 386 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкоznанию. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 377 с.
5. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Институт русского языка. М.: Наука, 1990. 453 с.
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
7. Хомский Н. Язык и мышление. М.: МГУ, 1972. 123 с.
8. Adamska-Sałaciak A. Jan Baudouin de Courtenay's contribution to general linguistics // Historiographia Linguistica. 1998. Vol. 25, No 1/2. P. 25–60.
9. Greenberg J. Rethinking linguistics diachronically // Language. 1979. Vol. 55. P. 275–290.

Поступила в редакцию 11.09.2025; принята к публикации 10.11.2025

Original article

Vladimir M. Alpatov, Dr. Sc. (Philology), Academician, Chief Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4323-2832; v-alpatov@iling-ran.ru

BAUDOUIN DE COURTENAY AND THE PARADIGM SHIFT AT THE TURN OF THE CENTURY

A b s t r a c t. This article analyzes the role of Ivan Alexandrovich Baudouin de Courtenay's scientific legacy during the transitional period of linguistics at the turn of the twentieth century. The aim of the study is to identify and charac-

terize key aspects of his theory that determined the shift in the scientific paradigm: the rejection of a purely historical approach, the introduction and development of the concepts of phoneme and morpheme, the distinction between synchrony and diachrony, and the substantiation of the psychological and social nature of language. The novelty of the work lies in its comprehensive examination of Baudouin de Courtenay's ideas in the context of overcoming the crisis of comparative linguistics and the formation of the foundations of structural linguistics. Particular attention is given to his views on the systematic nature of linguistic changes, the role of conscious intervention in language, and his critique of the dogmas of the comparative-historical method. The relevance of the study is determined by the continuing influence of the scholar's concepts on modern linguistics, including phonology, morphology, and sociolinguistics. It is emphasized that Baudouin de Courtenay not only anticipated many directions of scientific development in the twentieth century, but also laid the methodological foundations for the study of language as a dynamic system that combines individual-psychological and social principles.

Key words: Baudouin de Courtenay, study of living languages, phoneme, morpheme, world linguistics

For citation: Alpatov, V. M. Baudouin de Courtenay and the paradigm shift at the turn of the century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):18–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1261

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. A hundred years after. Do forecasts come true? *Topics in the Study of Language*. 2003;2:114–121. (In Russ.)
2. Baudouin de Courtenay, I. A. Introduction to linguistics. Supplemented with a collection of study tasks. Moscow, 2004. 94 p. (In Russ.)
3. Baudouin de Courtenay, I. A. Selected works on general linguistics. Vol. 1. Moscow, 1963. 386 p. (In Russ.)
4. Baudouin de Courtenay, I. A. Selected works on general linguistics. Vol. 2. Moscow, 1963. 377 p. (In Russ.)
5. Panov, M. V. History of Russian literary pronunciation in the XVIII–XX centuries. Moscow, 1990. 453 p. (In Russ.)
6. Rakhilina, E. V. Cognitive analysis of object names: semantics and compatibility. Moscow, 2000. 416 p. (In Russ.)
7. Chomsky, N. Language and thinking. Moscow, 1972. 123 p. (In Russ.)
8. Adamska-Sałaciak, A. Jan Baudouin de Courtenay's contribution to general linguistics. *Historiographia Linguistica*. 1998;1–2:25–60.
9. Greenberg, J. Rethinking linguistics diachronically. *Language*. 1979;55:275–290.

Received: 11 September 2025; accepted: 10 November 2025